

В. Е. ГУСЕВ

О жанре Жития протопопа Аввакума

Проблема жанров древней русской литературы относится к числу наименее разработанных в советском литературоведении. Впрочем, справедливости ради следует заметить, что даже в пособиях по теории литературы самый термин «жанр» употребляется применительно к различным группам произведений, а единые принципы или критерии разделения на жанры отсутствуют.¹ Эта несогласованность, а порой и противоречивость в классификации литературных произведений объясняется условностью тех границ, которые разделяют отдельные группы произведений искусства в действительности, и бесконечным разнообразием типов и видов этих произведений. Существующая классификация жанров весьма приближенно и грубо отражает это живое многообразие, игнорируя зачастую переходные формы и оставаясь бессильной в определении жанровой природы многих произведений. Но думается, что это является лишь свидетельством несовершенства нашей классификации и терминологии, но отнюдь не служит доказательством фиктивности самого понятия «вид» или «жанр». Определенные группы, более или менее многочисленные, обладающие известными общими идейно-художественными признаками, существуют в действительности прежде всего в силу того обстоятельства, что искусство отражает реально существующие закономерные явления жизни, определенные типы человеческих отношений, типические характеры, а также потому, что творческая индивидуальность художника, его субъективное восприятие действительности есть лишь частное, индивидуальное проявление мировоззрения, этических и эстетических идеалов реально существующей социальной группы или класса. Образованию жанров как более или менее устойчивых групп способствует и наличие традиций в искусстве, с которыми не может не считаться каждый художник, каким бы новатором он ни был.

В определении жанров древней русской литературы много субъективизма и, если можно так выразиться, терминологического фетишизма: исследователи зачастую слишком доверяют определению, данному памятнику в его названии самим автором или переписчиком. Так, в сущности разные по своей жанровой природе произведения исследователи относят к жанру «повести». В последнем случае, правда, признаются жанровые подразделения: воинская повесть, историческая повесть, бытовая повесть,

¹ Так, Л. И. Тимофеев употребляет этот термин в значении «род» (эпос, лирика, драма), Г. Н. Пospelов — в значении «вид» (повесть, роман, рассказ и т. п.). Иногда в пособиях различаются «вид» и «жанр» (Г. Л. Абрамович. Введение в литературоведение. Учпедгиз, М., 1953); в последнем случае либо «вид» признается производным от «жанра», либо наоборот (вид — роман; жанры — исторический роман, социально-психологический роман и т. д.). Мы употребляем термин «жанр» в последнем значении — для определения группы сходных по идейно-художественным признакам произведений, не поддающейся дальнейшему дроблению.

но и это разделение представляется нам весьма общим, не отражающим реального разнообразия типов древнерусской повести или, точнее говоря, тех произведений, которые по традиции относятся к жанру повести. Если мы обратимся только к группе так называемых бытовых повестей XVII в., то даже здесь мы должны будем признать, что имеем дело отнюдь не с одним жанром. М. О. Скрипиль определяющим признаком жанра древнерусской оригинальной повести считает «личную тему», «рассказ о частной жизни, о счастье и трагедии рядового человека».² Однако тематика сама по себе не определяет еще жанра. Одна и та же тема лежит в основе «Слова о полку Игореве» и летописной повести о походе Игоря, а между тем это совершенно различные по жанру произведения. Что же касается темы «рядового человека», то она, как известно из истории литературы, разрабатывалась и в рассказе, и в очерке, и в романе, и в драме, и в поэзии. Если мы обратимся к литературе XVII в., то в этом смысле нет принципиальной разницы между «Повестью о Савве Грудцыне» и «Комидией притчи о блудном сыне» Симеона Полоцкого — тема у них одна, а принадлежат они не только к разным жанрам, но и к разным родам поэзии. Тема «рядового человека» разрабатывалась и в «Повести о Горе-Злочастии» и в «Азбуке о голом и небогатом человеке»; но кто станет утверждать, что это произведения одного жанра! Точно так же, строго говоря, нельзя сблизить в жанровом отношении «Повесть о Горе-Злочастии» и «Повесть о Савве Грудцыне»: первая гораздо ближе к жанру поэмы, чем повесть, вторая — скорее роман, чем повесть. Точно так же «Повесть о Карпе Сутулове» — типичная новелла, близкая к новеллам «Декамерона» Бокаччо, а «Повесть о Фроле Скобееве» — по существу является эмбрионом русского плутовского романа, близким по жанру западноевропейскому плутовскому роману.

Вряд ли можно говорить о едином агиографическом жанре только на основании сходного идейного содержания и некоторых шаблонных композиционных элементов. Во всяком случае следовало бы говорить о житиях-новеллах (которые группировались в патериках) и о житиях-повестях. Заслуживает внимания классификация вида житийных повестей, которую предлагает М. О. Скрипиль (по его терминологии — «биографических житий»)³. Некоторые произведения, по традиции долгое время относившиеся к житийной литературе, в настоящее время исследователи справедливо отделяют от этого литературного вида. Так, «Сказание о Борисе и Глебе» и Житие Александра Невского многими признаются воинскими повестями. На наш взгляд, убедительно отнесение Жития Юлиании Лазаревской к жанру нравоучительной повести или семейной хроники,⁴ а «Сказание о боярине Морозовой» — к жанру историко-бытовой повести.⁵ Наличие в этих произведениях элементов, характерных для житийной литературы (сходство композиционных мотивов, религиозные сентенции и характеристики, молитвы, описания чудес и др.), нисколько не препятствует выделению названных памятников в другие группы, поскольку эти же элементы в большей или меньшей степени характерны для многих произведений древней русской литературы, никогда и не относившихся к житийной литера-

² М. О. Скрипиль. Проблема изучения древнерусской повести. — ИЮЛЯ, т. VII, 1948, в. 3, стр. 192.

³ История русской литературы (далее: АИРЛ), т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 91—99.

⁴ М. О. Скрипиль. 1) Повесть об Улиании Осорьбиной. — ТОДРА, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 256—323; 2) Повесть об Улиании Осорьбиной. — Русская повесть XVII в. Гослитиздат, М., 1954, стр. 350—356.

⁵ АИРЛ, т. II, ч. 2. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 332.

туре. Таким образом, рамки собственно житийных жанров все более и более сужаются в результате более глубоких исследований и большей дифференциации литературных групп, объединявшихся ранее в один жанр на основании внешних признаков.

Житие протопопа Аввакума в советском литературоведении непосредственно из агиографической литературе не относилось.⁶ Однако один из первых исследователей Жития как литературного памятника — Н. К. Гудзий — все же сопоставлял Житие с другими древнерусскими житиями, стремясь именно в этом литературном ряду определить своеобразное место произведения Аввакума. Н. К. Гудзий пришел к выводу: новаторство Аввакума как писателя состояло в том, что он реформировал традиционное житие.⁷ С агиографической литературой сопоставлял Житие и В. Л. Комарович.⁸ К сходным выводам, отталкиваясь от параллели Житие Аввакума и древнерусские жития, пришли и зарубежные исследователи. П. Паскаль в книге «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» констатирует, что «Аввакум не мог подчиниться предписаниям агиографического жанра».⁹ Р. Ягодич в своем исследовании о Н. С. Трубецком заявляет, что «творение... страстного, фанатического поборника старорусского благочестия... ознаменовало окончательный упадок этого литературного вида» (т. е. житийной литературы, — В. Г.).¹⁰ Таким образом, сравнение Жития Аввакума с другими произведениями житийного жанра, пусть и в плане противопоставления, стало в какой-то мере традиционным.

От этой общепринятой параллели отличается подход к Житию В. П. Адриановой-Перетц. «Создавая оригинальную форму для своей автобиографии, — пишет исследователь, — Аввакум переосмыслил для нее не столько жития, сколько апостольскую литературу — деяния и послания апостолов».¹¹ Это наблюдение знаменательно — оно выводит исследователя из одного, привычного литературного ряда и побуждает искать точки соприкосновения Жития с другими видами средневековой письменности. В самом деле, ссылка Аввакума на апостолов, цитаты из соответствующих новозаветных книг и отдельные реминисценции (см., например, 2-е послание апостола Павла Коринфянам, гл. II, 23—32) свидетельствуют о некотором воздействии апостольской литературы на Аввакума в процессе создания им своего Жития. Но все же, на наш взгляд, не это воздействие определяет жанр Жития уже хотя бы потому, что ни апостольские деяния, ни послания апостолов не являются художественными произведениями, в них отсутствует образ человека, типизация характера, они представляют собой образец религиозно-дидактической литературы.

В Житии протопопа Аввакума действительно наличествуют элементы, присущие отчасти апостольской литературе, в еще большей степени характерные для житийной литературы: черты страдальца за веру в образе центрального героя, рассказы о чудесах и видениях, назидательные ком-

⁶ Связь «Жития» с агиографическим жанром склонен был одно время преувеличивать П. Паскаль (см.: Pierre Pascal. Avvakum et les débuts du rascol. La crise religieuse au XVII-e siècle en Russie. Paris, 1938, стр. 485).

⁷ Н. Гудзий. Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление. — Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Изд. «Academia» [1934], стр. 27.

⁸ АИРЛ, т. II, ч. 2, стр. 312.

⁹ P. Pascal. La vie de l'archiprêtre Avvakum, écrit par lui-même... 2 édition. Paris, 1938, стр. 43.

¹⁰ R. Jagoditsch. N. S. Trubetzkoy als Literaturhistoriker. — Wiener Slavistisches Jahrbuch, Vierter Band, 1955, стр. 46.

¹¹ История русской литературы, под ред. В. А. Десницкого и др., т. I, ч. I. Учпедгиз, М., 1941, стр. 299.

ментарию, традиционное вступление и концовка («аз есмь человек грешник, блудник и хищник, тать и убийца, друг мытарем и грешникам, и всякому человеку лицемерец окаянный»). Однако, во-первых, удельный вес и значение этих элементов значительно уменьшится, если мы примем во внимание, что сочинение Аввакума, известное под названием «Житие», на самом деле является не одним произведением, а сборником различных по жанру и назначению произведений (помимо Жития в собственном смысле, он включает такие отдельные статьи как вступительная полемическая статья о слове «истинный», статья о причастии, статья «Поучение преподобного отца нашего аввы Дорофея о любви», статья «О сложении перст», которые имели вполне самостоятельное хождение в списках). Во-вторых, работая над сочинением, Аввакум или сокращал или исключал вовсе в тексте Жития рассказы о чудесах, полемические и обличительные рассуждения, оставляя их в сборнике, но перенося их за пределы собственно Жития, придавая тем самым своему Житию все большую и большую жанровую цельность.¹² Наконец, некоторые элементы агиографического жанра, все же оставшиеся в Житии в собственном смысле этого слова, не могут определять его жанр, поскольку в силу господства религиозной идеологии в средние века и большого влияния канонической литературы на древнюю русскую литературу они проникали и в летописи, и в воинские повести, и даже в бытовую повесть.

Продолжая попытку В. П. Адриановой-Перетц расширить круг привлекаемой для сравнения с Житием литературы, правомерно было бы сопоставить произведение Аввакума с «Поучением» Владимира Мономаха. Не является ли Житие своего рода развернутым поучением отца детям — в данном случае «духовным детям»? И само сочетание назидательной беседы с живыми картинками-иллюстрациями в Житии не предвосхищено ли в нераздельной слитности строгих формул-наказов с лаконичной живописью «Поучения»? Но как ни соблазнительно это сопоставление, совершенно очевидно, что оно не может объяснить многие особенности Жития, которые в свою очередь побуждают обращаться к другим фактам древней русской литературы. Так, например, вчитываясь в Житие, вслушиваясь в его страстный, порою иронический, порою раздражительный и бранчливый тон, невольно вспоминаешь манеру писем Ивана Грозного и легко представляешь себе, с другой стороны, как при соответствующих обстоятельствах эти письма могли бы развиться в целую полемическую автобиографию (подобно тому, как многие места в Житии восходят к письмам Аввакума). Но ведь не меньше аналогий к Житию можно было бы привести и из древнерусских проповедей, особенно из «Слов» митрополита Даниила...

К какому же жанру следует отнести Житие протопопа Аввакума? Исследователи обычно называют его автобиографией.¹³ Такое определение жанра Жития является, на наш взгляд, неточным. Существование собственно автобиографии как самостоятельного литературного жанра сомнительно. Автобиографический материал лишь тогда становится художественным, когда теряет свою исключительность, когда он перестает восприниматься читателем как описание одной жизни, жизни только этого человека, иными словами, когда этот материал типизируется. Средства же художественной типизации автобиографического материала бывают самыми

¹² См. об этом подробнее в нашей статье «Заметки о стиле „Жития“ протопопа Аввакума» (ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 273—281).

¹³ Н. К. Гудзий (Протопоп Аввакум... , стр. 22, 27), В. П. Адрианова-Перетц (АИРЛ, т. II, ч. 2, стр. 154), В. Л. Комарович (АИРЛ, т. II, ч. 2, стр. 312).

различными, а это порождает различные литературные формы, различные автобиографические жанры. Сказать о Житии протопопа Аввакума, что мы имеем дело с автобиографией, еще не значит дать определение жанра; это лишь служит указанием на материал, положенный в основу произведения. Автобиографичны и «Поучение» Владимира Мономаха и «Моление» Даниила Заточника, и послания Ивана Грозного, и Житие Епифания, особенно много автобиографических произведений появляется в новой русской литературе — от «Записок одного молодого человека» Герцена до трилогии А. М. Горького. Но как различны жанры всех этих автобиографий! Здесь и эпически уравновешенное поучение, и полный страстного лиризма памфлет, и непринужденный эпистолярный вид, и психологическое житие, а позже мемуары, очерки, рассказы, повести, романы. . .

Итак, мы должны признать, что жанровая природа автобиографического Жития протопопа Аввакума, в сущности, не определена, а взгляд на Житие как на автобиографию вообще приводил на практике к отсутствию анализа Жития как художественного произведения с особой, присущей ему жанровой природой. До сих пор Житие в основном интересовало исследователей как историко-биографический документ, как источник характеристики деятельности и мировоззрения Аввакума, как материал для характеристики раскола в русской церкви. В том же случае, когда исследователи изучали Житие как литературный памятник (В. В. Виноградов, Н. К. Гудзий, В. Л. Комарович, Д. С. Лихачев и др.), то они ограничивали свой анализ рассмотрением особенностей манеры повествования, языка и стиля. Сам Аввакум интересовал исследователей как живая, реально существовавшая личность, как «культурно-исторический тип» (Н. К. Гудзий) или как писатель. Не отрицая закономерность такого подхода к изучению Жития, мы считаем в то же время, что все это оказывается недостаточным для определения историко-литературного значения Жития. Нам представляется, что при изучении Жития в истории литературы Аввакум должен быть рассмотрен прежде всего как образ, как тип. Равно и другие персонажи Жития в историко-литературном плане должны нас интересовать не столько как реально существовавшие личности, сколько как характеры, составляющие вместе с Аввакумом-героем систему образов Жития не как автобиографии, а как произведения определенного литературного жанра. Такой подход к Житию позволит установить объективный смысл, объективную идею его как художественного произведения, поможет понять, почему, несмотря на чуждые нам идейные побуждения автора, этот памятник вышел далеко за пределы той среды, для которой он предназначался, и почему он продолжает интересовать и волновать читателей нашего времени.

Таким образом, проблема жанра является отнюдь не праздным или формальным вопросом. Правильное определение жанра Жития поможет точнее определить место памятника в истории литературы, поставить его в ряд близких ему общественно-литературных фактов.

Жанр как более или менее устойчивая литературная форма, как более или менее часто повторяющаяся совокупность характерных средств художественной типизации возникает и развивается в процессе взаимодействия конкретно-исторического жизненного материала, подлежащего отбору и обобщению, и идейного замысла автора, его мировоззрения и особенностей его таланта. Проблема жанра — это один из аспектов проблемы конкретного выражения единства содержания и формы в искусстве.

Художественное значение Жития протопопа Аввакума заключается прежде всего в том, что оно правдиво, с огромной впечатляющей силой

отразило некоторые стороны общественной жизни и быта Руси середины XVII в., некоторые реальные противоречия своей эпохи — недовольство разных социальных слоев укреплением дворянско-феодалного государства и церкви, протест против новых порядков, охвативший широкие массы и неизбежно, в силу конкретно-исторических условий времени, вылившийся в религиозную форму. Протопоп Аввакум в силу обстоятельств своей жизни находился в самой гуще этих событий, сталкивался с самыми различными группами современного ему общества — с окружением царя, с правящей церковной партией, с боярством, с сельским и городским духовенством, с мирянами-горожанами, со стрельцами, с казаками. Таким образом, не литературная традиция, а прежде всего своеобразие самого жизненного материала, реальное содержание жизни самого Аввакума как одного из предводителей социально-религиозной оппозиции, реальные формы борьбы его самого, его единомышленников подсказывали Аввакуму писателю и адекватную форму отражения этого материала — сложное, развернутое повествование с широким социальным фоном, с большим количеством действующих лиц, с главным героем в центре; повествование, в котором органически сливались картины быта и религиозные рассуждения, героическое и обыденное, трагическое и комическое. Теперь уже известно, что Аввакум, отражая значительные по историческому смыслу и размаху события, сознательно отбирал из пестрого жизненного материала самое важное, самое характерное, самое яркое, довольно четко сформулировав принцип отбора: «Стану сказывать верхи своим бедам».¹⁴ Благодаря этой сознательной установке на отбор «верхов» Аввакуму удалось в своем сравнительно небольшом произведении собрать небывалое до того в памятниках древней русской литературы количество персонажей, отразить расширившиеся до Даурии пространства Руси, сжать большую, едва ли не полувековую историческую перспективу, сгустить до предела все мысли и страсти, волновавшие его самого и его соратников по борьбе.

Жанровые особенности Жития вытекают также из особенностей идейного замысла и объективного идейного содержания этого замечательного произведения. Задуманное как произведение полемическое и поучительное («да не забвению будет предано дело божие» и да «пускай ведомо в людех правда и кривда»), как произведение, долженствующее доказать истинность старой веры, Житие в действительности, в процессе авторской работы над его редакциями, приобретало совсем иной характер, идейный смысл его перерастал задачи, первоначально поставленные Аввакумом перед самим собою как перед писателем. Увлечшись повествованием, Аввакум сознательно допускал отступление бытового и интимного содержания, понимая, что они не имеют никакого отношения к задуманной цели: «Простите меня... А однако уже розвякамя — еще вам повесть скажу». И этими предупредительными извинениями или оправданиями, следующими за отступлениями («к слову моылось»), пестрит все произведение. Многочисленные картины жизни и быта наполняли Житие таким богатым по содержанию и обильным по количеству материалом, что первоначально намеченные рамки поучительной и полемической притчи разрывались и сметались, и в результате мы имеем дело с произведением, совершенно отличным от задуманного как по содержанию, так и — объективно — по идее. Перед нами правдиво написанное большое полотно, на котором реальная картина жизни приобретает самостоятельное значение.

¹⁴ В. И. Малышев. Неизвестные и малоизвестные материалы о протопопе Аввакуме. — ТОДРА, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 392.

Идейное содержание *Жития*, отчасти вследствие этого изобилия добротного жизненного материала, отчасти и в силу противоречивости самого мировоззрения писателя, оказалось весьма противоречивым. В нем причудливо переплелись и идеи религиозного фанатизма, мученичества, непротивления злу — с одной стороны, и ненависть к различным церковным и светским начальникам, страстная жажда правды и справедливости на земле, боль за неурядицы на Руси и за страдания народа, идея борьбы и самопожертвования в этой борьбе — с другой стороны. Эта противоречивость идейного содержания памятника может быть правильно объяснена только с позиций марксистско-ленинской теории отражения, с позиций материалистической эстетики. Эти противоречия есть не что иное, как отражение реально существовавших в середине XVII в. противоречий в социальной практике и в мировоззрении оппозиционно настроенных к феодализму слоев русского общества, и прежде всего противоречий, свойственных народным массам, на которые и опирался раскол.¹⁵ Особенная форма выражения этих объективно существовавших противоречий — религиозная оболочка социального протеста — также неизбежно отразилась на самом *Житии*, определила его специфическую жанровую природу — религиозную окрашенность бытового повествования.

Этими же обстоятельствами вызвана и своеобразная форма типизации характеров в *Житии*, в первую очередь типизации главного персонажа. В нем причудливо сочетаются черты фанатика и ригориста, проповедника и мученика с характерными признаками правдолюбца, «бойца» (А. М. Горький), «бунтаря» (А. Н. Толстой), чадолюбивого отца, заботливого супруга, снисходительного к чужим ошибкам и слабостям пастыря, влюбленного в жизнь человека. Это сложный, весь сотканный из противоречий образ. Мы видим героя *Жития* в самые различные моменты его жизни — в толпе и в кругу семьи, с друзьями и врагами, в царском дворце в Москве и у байкальских рыбаков, заключенного в тюрьме и лежащего нагим на печи, проповедующего в церкви и тянущего сани по льду Иргень-озера, бранящегося и избиваемого, вступающего в рукопашную с медведями и умиленно созерцающего природу, «травы красны и цветны и благовонны гораздо». Он то непреклонен и требователен, то отзывчив и уступчив; то суров и жесток, то нежен и растроган; то раздражителен и бранчив, то шутит и смеется; чувство юмора не изменяет ему в самые тяжелые минуты жизни, но ему знакомо и сознание трагизма своего положения; он без ложной скромности осознает героизм своего подвига, а собственные ошибки и слабости вызывают в нем жгучее чувство неудовлетворенности собой. . .

В образе Аввакума, как видим, достигнута та степень индивидуализации и многосторонности, какой не знала не только житийная литература с ее идеальным героем и шаблонами, но, пожалуй, и все другие предшествующие *Житию* литературные памятники. Индивидуализация образа трудно давалась средневековой литературе. Она стала возможной лишь в условиях русской жизни XVII в., в связи с обострившимся интересом к человеческой личности. На последнее обстоятельство в свое время обратил внимание Д. С. Лихачев: «XVII век в русской истории — век постепенного освобождения человеческой личности, разрушавшего старые средневековые представления о человеке только как о члене корпорации — цер-

¹⁵ См.: Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли. — Сочинения, т. XX, М.—Л., 1925, стр. 335. Подробнее этот вопрос рассмотрен нами в статье «Житие протопопа Аввакума — произведение демократической литературы» (ТОДРЛ, т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 380—384).

ковной, государственной или сословной. Сознание ценности человеческой индивидуальности, развитие интереса к внутренней жизни человека — таковы те первые проблески освобожденного сознания, которые явились знаменем нового времени. Интерес к человеческой индивидуальности особенно характерен для второй половины XVII века». ¹⁶ Этот процесс в общественном сознании, вызванный в конечном счете переменами в экономической жизни Руси, отразился и в литературе, помог писателям преодолеть схематизм и односторонность типизации характеров. В этом смысле Житие Аввакума не явилось исключением, но эта черта обозначилась в нем, может быть, резче, чем в других современных ему памятниках, в силу особого свойства обобщаемого материала — это был автобиографический материал. И здесь навстречу общей тенденции в развитии литературы шел личный талант художника, в совершенстве овладевшего своим материалом. Однако индивидуализация характера не только не лишила его типического содержания, но лишь ярче осветила как раз наиболее типичные его черты. Типичность образа Аввакума состоит как раз в той противоречивости всего поведения, всех его побуждений, чувств и настроений, которые были так характерны для той социальной среды, которую представлял Аввакум, — среды, мятущейся в поисках правды и ежечасно заблуждающейся, стремящейся примирить верность религии и свое недовольство церковью, предписания христианского учения и зовы живой жизни, обряд и быт.

Все эти противоречия образа, стоящего в центре повествования, как и связанные с ними противоречия идейного содержания, неизбежно отразились на всех особенностях стиля Жития. Стремление автора дать широкую панораму жизни, рассказать о своей борьбе от начала до конца, передать читателю свои страстные искания, мечтания, раздумья, свести счеты с врагами — все это обусловило особенности композиции — внешне нестройной, свободной, как будто разорванной, с перемежающимися картинками и лирическими отступлениями, допускающей постоянное переоплощение рассказчика в героя, героя в рассказчика. И именно эта подвижная композиция давала возможность вместить и организовать столь разнородный материал в одно целое. Те же самые противоречия лежат в конечном счете в основе смещения и слияния двух языковых и стилистических традиций — книжной и просторечной, образования особого метафорического строя, в котором объединялась евангельская и народно-бытовая образность, условная аллегоричность понятий и их реальная жизненность (плавание, буря, волокита, зима и т. п.). Те же самые противоречия определили и драматический тон всего повествования, превосходно раскрывающий внешние и внутренние конфликты, сопровождавшие всю жизнь героя. Наконец, совпадение в одном лице рассказчика и героя произведения, на наш взгляд, позволило внести художественную гармонию в произведение, придать единство всем разнообразным и разнородным его элементам, окрасить все повествование в лирико-драматический тон, короче говоря — реализовать жанровую специфику произведения, заложенную в самом материале. Это тождество рассказчика и героя, а также особенности стиля и языка Жития роднят его с народными сказами, что в свое время отметил В. В. Виноградов, ¹⁷ а также Р. Ягодич, который назвал Житие «народным рассказом». ¹⁸

¹⁶ АИРЛ, т. II, ч. 2, стр. 321.

¹⁷ В. В. Виноградов. О задачах стилистики. — Русская речь, в. 1. Пгр., 1923 стр. 215.

¹⁸ R. Jagoditsch. Das Leben des Protropen Avvakum. . . Berlin, 1930, стр. 69.

Все отмеченные признаки Жития Аввакума дают, как нам кажется, основание говорить о его сложной, синтетической жанровой природе. Не случайно разные исследователи рассматривали Житие в связи с самыми различными жанрами древней русской литературы, не решаясь в то же время безоговорочно связать его с каким-либо одним известным жанром. В Житии в единое целое слились эпическое, лирическое и драматическое начала, элементы многих жанров древней русской письменности — и учительной литературы, и проповеди, и житий, и поучений, и бытовой повести, а также устного народного сказа. Вряд ли можно поэтому определить жанр Жития каким-либо известным нам термином. Но в то же время из всего нами сказанного можно сделать вывод о проявлении в Житии определенной тенденции в истории русской литературы, о приближении Жития к определенному жанру, окончательно оформившемуся уже несколько позднее. Мы имеем в виду ту тенденцию становления синтетического жанра романа, которая одновременно и по-разному проявилась в повествовательной литературе второй половины XVII в. и особенно ярко в «Повести о Савве Грудцыне». В связи с этим уместно припомнить определения, которые давал роману В. Г. Белинский, а вслед за ним и крупнейшие представители русского и советского литературоведения. Наш первый историк литературы указал на одну очень характерную особенность романа, отличающую его от всех других видов эпической поэзии, на то, что именно в романе впервые эпическое повествование приобретает лирическую, «субъективную» форму и характеризуется острым драматизмом.¹⁹ Белинский писал о романе, что «это самый широкий, всеобъемлющий род поэзии... В нем соединяются все другие роды поэзии — и лирика как изливание чувства автора по поводу описываемого им события, и драматизм как более яркий и рельефный способ заставить высказываться данные характеры».²⁰ В Житии мы как раз и наблюдаем эту тенденцию, причем, на наш взгляд, даже в более сильном выражении, нежели в «Повести о Горе-Злочастии» или «Повести о Савве Грудцыне».

Но, пожалуй, еще более важным проявлением тяготения Жития к жанру романа является охарактеризованное выше впервые осуществленное Аввакумом изображение человека как средоточия общественных противоречий, его попытка собрать в фокусе частной жизни и личной психологии события большого общественного значения, судьбы и психологию целого социального слоя. «Роман... — пишет А. И. Белецкий, — преломляет сквозь призму индивидуальной психологии даже события общенародного значения, растворяя общее в частном».²¹ Сходную характеристику романа мы можем встретить еще в высказываниях А. Н. Веселовского.²² Именно это принципиально и отличает роман от средневековых эпических форм, в том числе от апокрифической и житийной литературы.²³ Но именно эта тенденция так ярко проявилась в Житии Аввакума.

Наконец, весьма существенным признаком Жития как произведения, отступающего от средневековой эпической традиции, является повышенный интерес Аввакума в этом произведении к «обыкновенному, повседневному»

¹⁹ См.: В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. V, Изд. АН СССР, М., 1954, стр. 25—28; т. VI, Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 217—218.

²⁰ Там же, т. X, 1956, стр. 315—316.

²¹ А. И. Белецкий. Судьбы большой эпической формы в русской литературе XIX—XX вв. — Київський державний університет ім. Т. Г. Шевченка. Наукові записки, т. VII, в. III, Філологічний збірник, № 2, Київ, 1948, стр. 13.

²² Ср.: История или теория романа? (А. Н. Веселовский. Из истории романа и повести, в. 1. СПб., 1886, стр. 1—27), где ученый в понимании романа во многом переключается с В. Г. Белинским.

²³ См.: А. Н. Веселовский. Из истории романа и повести, в. 1, стр. 31.

ному, домашнему», о чём писал В. Г. Белинский как о характерной особенности романа. Однако в Житии это внимание к повседневному и «домашнему» сочетается с героикой подвига, с пафосом борьбы. Смелость сочетания героического и обыденного, трагического и комического выделяет Житие даже в ряду других современных ему произведений, выражавших ту же тенденцию в более слабой степени. В то время как средневековая письменность и даже более поздняя литература в разных жанрах давала образцы или только «низкого» или только «высокого», лишь в романе, как писал В. Г. Белинский, появилось сочетание самой возвышенной поэзии и самой обыденной житейской прозы.²⁴

Житие протопопа Аввакума может рассматриваться как выражение того закономерного процесса, который — в одних странах раньше, в других позже — протекал во всех европейских литературах. И те же самые причины, которые в конечном счете определили появление романа в Западной Европе эпохи Возрождения, а именно развитие буржуазных отношений и обусловленное этим выделение личности и повышенный интерес к ней, вызвали к жизни сходную тенденцию и на Руси. И неслучайно эта тенденция проявилась не ранее XVII в., который, по выражению В. И. Ленина, характеризовался «созданием связей буржуазных».²⁵ Но в отличие от западноевропейской литературы, где первыми формами романа явились рыцарский и плутовской роман, в условиях русской действительности XVII в., наряду со слабо выраженной тенденцией и этого типа (преимущественно в переводной литературе), более характерным оказалось появление начальных форм социально-бытового романа, причем им («Повесть о Савве Грудцыне», Житие протопопа Аввакума) была еще присуща религиозно-дидактическая направленность.

Обращение к опыту западноевропейской литературы помогает лучше понять некоторые особенности Жития как произведения, начинающего историю нового жанра в русской литературе. Характерной жанровой особенностью всех ранних форм западноевропейского романа, независимо от их видов и идейной направленности, была линейная композиция, при которой эпизоды-новеллы следовали один за другим, как бы нанизываясь на один общий стержень, наращиваясь в некий бесконечный ряд, объединенный лишь личностью центрального героя.²⁶ Именно такой же принцип лежит в основе композиции Жития Аввакума, представляющей разорванную цепь эпизодов-«повестей», скрепленную личностью рассказчика-героя. Разумеется, о знакомстве Аввакума с произведениями западноевропейской эпической литературы не может быть и речи; тем убедительнее проявление общих объективных законов композиции нарождающегося жанра романа в произведениях, столь далеких по своему характеру, по условиям, времени и месту своего возникновения. Даже сам автобиографизм Жития по-иному будет воспринят нами, если мы вспомним, что этому «естественному» автобиографизму первого предвестника русского романа соответствует излюбленная некоторыми ранними западноевропейскими романистами форма «псевдоавтобиографии», когда для усиления достоверности повествования герой является и рассказчиком своих приключений (доста-

²⁴ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. I, Изд. АН СССР, М., 1953, стр. 267.

²⁵ В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Сочинения, изд. 4-е, т. 1, М., 1941, стр. 138.

²⁶ Ср. эволюцию сюжета «Рейнеке-Лиса», возникшего из Jsegrinus'a Нивардуса, или «Les aventures de Renard», а также композицию романов «Жиль Блаз», «Лосарильо из Тормеса», «Поп Ами» Штрикера, «Тиль Эуленшпигель» и др., включая и «Дон-Кихота» Сервантеса.

точно вспомнить «Робинзона Крузо» Дефо или «Путешествие Гулливера» Свифта). Нелишне заметить, что позднее подлинно автобиографический роман получит довольно заметное распространение как в русской, так и в западноевропейской литературе.

Итак, не стремясь к педантической точности и категоричности в определении жанра Жития Аввакума, мы можем с уверенностью говорить о том, что Житие многими своими элементами представляет собой яркое выражение эволюции русской средневековой религиозно-дидактической эпической литературы в жанр нравоучительного бытового романа. Характерными признаками Жития как произведения нового, нарождающегося жанра нам представляются следующие его особенности: развернутость повествования, многофигурность, полнота жизнеописания главного героя, индивидуализация образа, стремление к изображению разносторонности характера, внимание к острым, драматическим моментам частной жизни, обусловленным социальными обстоятельствами, многоэпизодность и в то же время однолинейная, цепочная композиция с довольно свободным соединением различных эпизодов. Многими своими особенностями Житие не столько связано с традиционными жанрами древней русской письменности, сколько предвещает появление более развитых форм новой русской литературы, что, как нам кажется, выдвигает перед исследователем задачу не ретроспективного изучения Жития, а осмысления его места в перспективе последующего развития русского литературного процесса. Не случайно именно Житие Аввакума привлекло такое пристальное внимание выдающихся русских и советских романистов — Льва Толстого, Тургенева, Лескова, Мельникова-Печерского, Мамина-Сибиряка, М. Горького, А. Н. Толстого, Леонида Леонова.
